

© 2024. И. А. Киселева

Государственный университет просвещения
г. Москва, Россия

Эпистолярная организация как смысловой код стихотворения М. Ю. Лермонтова «Валерик»

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда
№ 24-28-00207, <https://rscf.ru/project/24-28-00207/>*

Аннотация: Стихотворение Лермонтова «Валерик» рассматривается в аспекте духовной содержательности эпистолярного жанра. Определено, что специфической особенностью «Валерика» является местоименная организация текста. Посредством местоименных конструкций Лермонтов расставляет в стихотворении смысловые акценты. Организующие местоимения «я — вы — мы» не только моделируют ситуацию письма, но и выступают в функции маркеров ментального состояния. Ключевой для стихотворения оказывается интроспекция героя: лирический субъект испытывает сильнейшие ощущения и эмоции, размышляет над ними, постигает через события прошлого и настоящего свою сущность. Форма обращенного монолога в «Валерике» подразумевает разговор с адресатом, чему способствует речевая прозаизация текста. Документализм стихотворения сближает его с традицией письма как публицистического жанра и выводит за пределы изящной словесности в область литературы как опыта реальной жизни. В художественной системе Лермонтова духовный опыт напрямую связан с опытом человеческого взаимодействия. Эпистолярная форма стихотворения позволяет поэту раскрыть истинное предназначение поэзии, состоящее в духовном общении.

Ключевые слова: М. Ю. Лермонтов, «Валерик», диалог, жанр письма, сократическая ирония, рефлексия, родство душ.

Информация об авторе: Ирина Александровна Киселева, доктор филологических наук, профессор, Государственный университет просвещения, ул. Фридриха Энгельса, д. 21 а, 105005 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9629-0035>

E-mail: 79099227849@yandex.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 13.03.2024

Дата одобрения статьи рецензентами: 29.05.2024

Дата публикации статьи: 25.09.2024

Для цитирования: Киселева И. А. Эпистолярная организация как смысловой код стихотворения М. Ю. Лермонтова «Валерик» // Два века русской классики. 2024. Т. 6, № 3. С. 82–97. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2024-6-3-82-97>

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution
4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 6, no. 3, 2024, pp. 82–97. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 6, no. 3, 2024, pp. 82–97. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2024. Irina A. Kiseleva
State University of Education
Moscow, Russia

Epistolary Organization as a Semantic Code of M. Yu. Lermontov's Poem "Valerik"

Acknowledgments: This work was carried out with financial support from the Russian Science Foundation, project no. 24-28-00207, <https://rscf.ru/project/24-28-00207/>

Abstract: The article examines Lermontov's poem "Valerik" in terms of the spiritual content of the epistolary genre. The specific feature of "Valerik" is the pronominal organization of the text. Using pronominal constructions, Lermontov places semantic accents in the poem. The organizing pronouns "I — you — we" not only model the situation of writing but also act as markers of the mental state. The character's introspection appears crucial for the poem: the lyrical subject experiences intense feelings and emotions, ponders them, and comprehends his essence through the events of the past and present. The form of the reversed monologue in "Valerik" implies a conversation with the addressee, which is facilitated by the verbal prosaization of the text. The documentary nature of the poem brings it closer to the tradition of the journalistic genre of writing and takes it beyond the limits of fine literature into the field of literature as a real-life experience. The textual, historical-cultural, structural-semantic, and axiological analysis of "Valerik" allows us to assert that in Lermontov's artistic system, spiritual experience is directly related to the experience of human interaction. The epistolary form of the poem allows the poet to reveal the true purpose of poetry, which consists of spiritual communication.

Keywords: M. Y. Lermontov, "Valerik," dialogue, genre of writing, socratic irony, reflection, kinship of souls.

Information about the author: Irina A. Kiseleva, DSc in Philology, Professor, State University of Education, Friedrich Engels St., 21 a, 105005 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9629-0035>

E-mail: 79099227849@yandex.ru

Received: March 13, 2024

Approved after reviewing: May 29, 2024

Published: September 25, 2024

For citation: Kiseleva, I. A. "Epistolary Organization as a Semantic Code of M. Yu. Lermontov's Poem 'Valerik.'" *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 6, no. 3, 2024, pp. 82–97. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2024-6-3-82-97>

Стихотворение М. Ю. Лермонтова «Валерик» (1840) не раз становилось предметом обсуждения современников поэта и исследований литературоведов. Внимание было сосредоточено на поднимаемых вопросах «о смысле жизни, о судьбе человека» [Гинзбург: 58], на понимании Лермонтовым «не только событий, свидетелем и участником которых был воин-поэт, но и всего, что было пережито им перед лицом смерти» [Ермоленко: 66], на особой речевой интонации «Валерика», отличающейся «от обыкновенной прозаической только большей задушевностью и теплотой» [Эйхенбаум: 71]. Проблемой исследований оказывалось и уяснение особенности формы стихотворения, которое «дает нам не только жанровую картину боевой жизни, но и удивительнейшую страницу исповеди поэта» [Абрамович: 301]. Исследователи отмечали синтетическую природу «Валерика», подразумевающую «сочленение жанровых структур» [Ермоленко: 66], в котором «любовное послание смыкается с батальным очерком» [Виролайнен: 98], полагали, что в нем происходит «трансформация жанра дружеского послания» в «исповедь героя повествователя перед любимой женщиной» [Пульхриудова: 78]. То есть эпистолярная организация практически всегда оставалась на периферии исследовательского интереса, но выделялась как формообразующая. «Валерик», прежде всего, представляет собой частное письмо частному человеку, с которым автор имеет сильнейшую душевную связь, делится сокровенными размышлениями, объясняется как «перед собою» [Лермонтов 1954–1957. 2: 166], а пушкинская реминисценция из письма Татьяны («Я к вам пишу») в начале текста «говорит об искренности и глубине чувства» [Киселева: 53].

О важности эпистолярной формы для понимания стихотворения позволяет говорить обращение к черновому автографу «Валерика», состоящему из двух листов, заполненных с двух сторон. Примечательно, что эпистолярную часть стихотворения Лермонтов полностью записывает на первом листе, размещая текст сначала по вертикали, а затем,

за неимением места, поперек на правой свободной поверхности листа, сопровождая строфы припиской «Окончание»¹. Такое плотное заполнение пространства листа может объясняться не только бытовой причиной — экономией бумаги в полевых условиях, но и следованием идеи создания смысловой цельности эпистолярных частей. Размещение начальных и заключительных строф на одном листе акцентирует важность самого феномена письма, вмещающего в себя и событийность, и эмоции, и философские размышления. Ситуацией внутреннего диалога, постоянным присутствием в сознании Лермонтова памяти Другого обусловлено и структурно-семантическое построение стихотворения: начало текста («я к Вам пишу») выливается в обращенный монолог (первые 36 стихов), который затем плавно переходит через созерцающее наблюдение-воспоминание (стихи 37–54) в рассказ-«киноленту» (стихи 55–240), призванную вызвать эмпатию читателя, заставить его прочувствовать состояние лирического героя, и, наконец, ироническая рефлексия заключительных стихов с присущими жанру письма этикетными формулами прощания и извинения (стихи 241–260).

Специфической особенностью «Валерика», во многом обусловленной его эпистолярной формой, является местоименная организация текста. Посредством местоименных конструкций Лермонтов расставляет в стихотворении смысловые акценты. Структурную доминанту стихотворения образуют личные местоимений — *я, вы, мы, он, они* — и их производные. В первых двух строфах стихотворения задается основная для структуры стихотворения местоименная оппозиция, воплощаемая в ситуации обращения «я» к «вы». Уже в первом стихе «Валерика», задающем всему дальнейшему повествованию форму обращенного монолога («Я к вам пишу случайно; право»), местоимение «я» не только моделирует ситуацию письма, но и выступает в функции маркера ментального состояния. Смысловой для стихотворения оказывается интроспекция героя — лирический субъект испытывает сильнейшие ощущения и эмоции, размышляет над ними, постигает через события прошлого и настоящего сущность себя: «Где я? Что я? В какой глуши?»; «Я вас забыть никак не мог»; «Влачил я цепь тяжелых лет»; «Забыл я шум младых проказ»; «Мой крест несусь я без роптанья»;

---

¹ Лермонтов М. Ю. «Я к Вам пишу...» (стихотворение, рукопись), 1840. НИОР РГБ. Ф. 500 (Лермонтов). К. 1. Ед. хр. 4. Л. 1.

«Я жизнь постиг» [Лермонтов 1954–1957. 2: 166–167]. Сформировавшийся в зачине стихотворения тон скорбной рефлексии и далее является его ведущей модальностью. Лирический субъект представляет свою жизнь как книгу, над которой можно и нужно размышлять: «страницы прошлого читая // Их по порядку разбирая» [Лермонтов 1954–1957. 2: 166]). В черновике этот аспект звучал еще явственнее, там поэт сравнивал себя с литературным критиком: «И их как критик разбирая»¹. Отказ поэта от образа критика в окончательном варианте, по всей вероятности, обусловлен достаточно негативным отношением Лермонтова к критике (как журналистике), выраженном в более раннем стихотворении того же года «Журналист, читатель и писатель», где журналист предстает угрожающим толпе в ее сиюминутном интересе: «Читает нас и низший круг: // Нагая резкость выраженья // Не всякий оскорбляет слух; // Приличье, вкус — все так условно; // А деньги все ведь платят ровно!» [Лермонтов 1954–1957. 2: 148]. Пафос литературно-критической оценки снижает доверительную модальность эпистолярно-исповедальной формы, которая отвечает смысловой содержательности текста, и это есть одна из причин его переработки. Критик, по мысли поэта, не способен представить всю глубину происходящего и изображенного, тогда как отрешенность ума («остынувшим умом») лирического рассказчика сочетается с жаром сердечной боли («Я вас никак забыть не мог!»), и тем самым его суждения оказываются более соответствующими истинной реальности. Подобное представление распространяется как на изображение частной жизни лирического героя, так и на сами события кровопролитной битвы между русскими и горцами. Сфера «я» в ситуации обращенного монолога, открывающего и замыкающего стихотворение, соответствует состоянию лирического субъекта, тоскующего от невозможности единения с возлюбленной, представляемой в различных формах местоимении «Вы» («к Вам пишу», «знать Вам также нету нужды», «Вас любил», «Вас помню», «Вас забыть не мог», «Вас забыть мне невозможно», «и Вам, конечно, все равно» [Лермонтов 1954–1957. 2: 166–167]).

Одной из основных идей программного стихотворения Лермонтова «Журналист, читатель и писатель» является мысль о том, что «поэзия не теряет своей самооценности, но она теряет коммуникативную функ-

---

¹ Там же.

цию» [Вацуро: 321], и в этом состоит ее трагедия. Важность коммуникации выводится на первый план и в «Валерике». В стихотворении «Журналист, писатель и читатель» поэт готов отказаться от радости творчества, если оно приносит только эстетическое наслаждение и обусловлено лишь личными потребностями: «Но эти странные творенья // Читает дома он один, // И ими после без зазренья // Он затопляет свой камин» [Лермонтов 1954–1957. 2: 149]. Значимо, что целесообразность поэтического творчества вкладывается поэтом в уста читателя, готового приветствовать «Живое, свежее творенье!» [Лермонтов 1954–1957. 2: 148]. И в стихотворении «Журналист, писатель и читатель», и в «Валерике» Лермонтов утверждает истинное предназначение поэзии, состоящее в духовном общении. Форма обращенного монолога в «Валерике» подразумевает разговор с адресатом, чему способствует непосредственность выражения и речевая прозаизация текста, соответствующая ситуации искренности общения.

Смысловым центром собственно диалогической части «Валерика» являются размышления о «родстве души». Обозначенные поэтом напряженные отношения, выраженные в местоименной антинимии «я» — «вы», перерастают в суждение с местоимением «мы» в роли подлежащего: «Душою мы друг другу чужды», подытоженным горьким выводом: «Да вряд ли есть родство души» [Лермонтов 1954–1957. 2: 166]. Однако этот вывод имеет оттенок риторического вопроса и далее по тексту нивелируется, во-первых, обращенным заявлением лирического поэта к возлюбленной: «Я Вас никак забыть не мог», во-вторых, его декларируемой причастностью к чувствам и действиям своих боевых товарищей: «Мы любовались на них», «Мы проходили темный лес», «Нам был обещан бой жестокий» [Лермонтов 1954–1957. 2: 168]).

В «Валерике» поэт не только обрамляет сюжетную линию в речевую стихию письма в начале и в конце текста, но и сами события передает глазами частного человека, который является очевидцем горестных событий, находящимся в той же ситуации угрозы всей своей жизни, как и его боевые товарищи, и военные противники. Перед нами участник исторических событий Кавказской войны, но взгляд изнутри акцентирует не столько исторические приметы времени, сколько личностные переживания смерти. Драматизм стихотворения усиливается и от щемящего чувства одиночества и тоски лирического субъекта «по родной душе», а сама форма письма обнаруживает частный план

человеческого существования. Здесь включаются в работу два звена: одно связано с горечью потерь в сражениях, другое — с грустью невозможности единения с любимым человеком.

Можно было бы сказать, что перед нами не столько воин, сколько страдающий человек, однако эти два плана неразрывно объединены в едином лирическом субъекте, который является одним из общего «мы». Раскрытие лирического поэта («я») происходит многосторонне и последовательно. Взгляд его переходит от сцены прощания солдат с их капитаном к созерцанию природы Кавказа («Окрестный лес, как бы в тумане, // Синел в дыму порохом» [Лермонтов 1954–1957. 2: 171]), останавливается на высоких горах, которые выступают своеобразным фоном событий, показывающим тщету желаний и переживаний человека: «А там вдали грядой нестройной, // Но вечно гордой и спокойной, // Тянулись горы — и Казбек // Сверкал главой остроконечной» [Лермонтов 1954–1957. 2: 172]. Рефлексия лирического «я» разворачивается от полного отрицания возможности испытывать чувства («Но не нашел в душе моей // Я сожаленья, ни печали» [Лермонтов 1954–1957. 2: 172]) до трагического вопроса о смысле человеческого противоборства («И с грустью тайной и сердечной // Я думал: жалкий человек. // Чего он хочет!.. Небо ясно...» [Лермонтов 1954–1957. 2: 172]). При этом трагизм «Валерика» не уходит в атмосферу пацифистского бунта или уныния, так как освещается утверждаемой поэтом идеей вечной жизни, стоящей над всеми перипетиями и катастрофами времени: «И беспробудным сном заснуть // С мечтой о близком пробужденье» [Лермонтов 1954–1957. 2: 173]. И хотя эта умиротворяющая фраза дается лирическому герою через сильнейшую боль, усиливающуюся горечью потерь боевых товарищей, заключительные стихи «Валерика» говорят о высочайшей степени самообладания, выражающейся во всепрощающей в своем кенотизме самоиронии: «Теперь прощайте: если вас // Мой безыскусственный рассказ // Развеселит, займет хоть малость, // Я буду счастлив. // А не так? — Простите мне его как шалость // И тихо молвите: чудак!..» [Лермонтов 1954–1957. 2: 173]. Это же ироническое настроение и вместе с тем приятие жизни в ее целостности, со всей ее болью, можно увидеть и в письме Лермонтова к своему другу, брату адресата «Валерика» — А. А. Лопухину: «Может быть когда-нибудь я засяду у твоего камина и расскажу тебе долгие труды, ночные схватки, утомительные перестрелки, все картины военной жизни, которых

я был свидетелем. Варвара Александровна будет звать за пяльцами и, наконец, уснет от моего рассказа, <...>, и я останусь один и буду доканчивать свою историю твоему сыну» [Лермонтов 1954–1957. 6: 457]. Поэтом движет желание высказать пережитое, притом что «описывать экспедиции не велят» [Лермонтов 1954–1957. 6: 455]. Однако для него важнее оказывается не описание событий само по себе, а передача своего духовного состояния. Важно в письме А. А. Лопухину и обращение к образу его маленького сына, невинному младенцу, продолжающему земной путь человечества, и к его супруге, которой, как и сестре А. А. Лопухина — В. А. Лопухиной — адресату «Валерика», как надеется адресант, он дорог.

Адресат/читатель не может воспринимать излагаемые события лишь как занимательную историю, хотя поэт и мотивирует свой рассказ тем, что тот «займет хоть малость» внимание адресата, уже потому, что через их очевидца — адресанта он оказывается эмоционально и мыслительно причастен к ним. Представляя окончание своего письма в форме сократической иронии, в которой «человек способен возвыситься над самим собой» [Шлегель 1: 87], Лермонтов парадоксальным образом утверждает чрезвычайную важность излагаемых событий. И в этом он ничуть не противоречит самой сущности иронии, в которой «высказывание, если его воспринимать буквально, оказывается очевидно неуместно», тогда как «естественной будет интерпретация, при которой значение высказывания противоположно его буквальной форме» [Серль: 337]. Ставя себя в ситуацию некоторой отрешенности, он тем самым еще более сближает себя с адресатом/читателем, включая его в свое сознание как часть, и вместе с тем утверждая невозможность его непричастности к эмоционально-смысловому переживанию изложенного.

Характерно, что вместо стихов 177–201 текста, принятого в качества дефинитивного, изображающих картину прощания солдат с умирающим капитаном, в черновике дается картина боя и представлен образ лирического героя, который прилег «на самом месте сечи» «без сил и чувств»¹. Один из вариантов черновика содержит и обращение к адресату письма: «Признаться вам, я изнемог»². То есть память об адресате

---

¹ Лермонтов М. Ю. «Я к Вам пишу...» (стихотворение, рукопись), 1840. НИОР РГБ. Ф. 500 (Лермонтов). К. 1. Ед. хр. 4. Л. 2 об.

² Там же.

не оставляет поэта даже в сюжетном поле основной части стихотворения. Он пытается приобщить его к своему опыту понимания ценности жизни и человеческих отношений. И если война видится поэтом в естественной жестокости, то образ военной жизни, военная доблесть у него получают однозначно позитивную оценку: военачальники предстают достойными своего статуса («Генерал // Вперед со свитой поскакал» «все офицеры впереди» [Лермонтов 1954–1957. 2: 168–169]), а простые солдаты не только верными присяге и своим командирам, но и людьми с живой чувствительной душой («мрачно, грубо // Казалось выраженье лиц, // Но слезы капали с ресниц...» [Лермонтов 1954–1957. 2: 171]). Именно ситуация войны в изображении Лермонтова априори связана с «тяжелой думой о конце» [Лермонтов 1954–1957. 2: 173], а значит и с размышлениями о вечности и духовной жизнью. Моделируя мышление адресата («В забавах света вам смешны // Тревоги дикие войны; // Свой ум вы не привыкли мучить // Тяжелой думой о конце...» [Лермонтов 1954–1957. 2: 173]) и иронически сталкивая в его сознании вечное и светскую суету, поэт показывает тем самым тщету последней и утверждает свое право на это письмо, и надежду на душевный ответ, иначе не было бы и смысла в самом факте письма.

Форма письма, объединяющая в целое представленные эпизоды из военной жизни, обусловлена настроением поэта, остро испытывающего на Кавказе необходимость общения с оставшимися на родине близкими, что не раз акцентируется в его письмах этого периода («Пожалуйста, не ленись: ты не можешь вообразить, как тяжела мысль, что друзья нас забывают» [Лермонтов 1954–1957. 6: 455]; «Писем я ни от тебя, ни от кого другого уж месяца три не получал. Бог знает, что с вами сделалось; забыли, что ли?» [Лермонтов 1954–1957. 6: 457]). Кроме того, письмо открывает возможность изложить с максимальной точностью пережитые события и дать им свое понимание, перевести батальный образ «из сугубо описательного регистра в рефлексированное повествование» [Поташова 2023: 182]. При сопоставлении эпистолярного начала «Валерика» с письмами самого Лермонтова обнаруживается стилевое сходство в переходе от этикетной формулы обращения к собственно повествованию. Частотной в его письмах оказывается конструкция спонтанной речи «не знаю», позволяющая далее развивать сообщение (например, «Милый Алеша. Пишу тебе из крепости Грозной, в которую мы, т. е. отряд, возвратился после 20-дневной экспеди-

ции в Чечне. Не знаю, что будет дальше, а пока судьба меня не очень обижает» [Лермонтов 1954–1957. 6: 455].

С первого взгляда, выбор адресата («вы») для детального рассказывания о кровопролитной битве кажется не вполне оправданным — светской барышне могут быть непонятны и чужды эпизоды из военной жизни («В забавах света вам смешны // Тревоги дикие войны» [Лермонтов 1954–1957. 2: 173]), на что указал, в частности, Б. Г. Бобылев, говоря о несоответствии эпистолярной части стихотворения «принятым правилам легкого светского общения» [Бобылев: 527]. Однако это несоответствие снимается желанием говорить о сокровенном с самым личностно важным человеком («Я вас забыть никак не мог» [Лермонтов 1954–1957. 2: 166–167]), и выбор жанра письма определялся «психологическим обликом той, к которой он обращен» [Зайцева: 115]. К адресату стихотворения — В. А. Лопухиной направлено немало поэтических обращений поэта, в одном из которых он признается: «Мы себя нашли один в другом, // И душа сдружилась с душою» [Лермонтов 1954–1957. 2: 178]. Именно «обращение к женщине, с которого начинается и которым завершается стихотворение, позволяет читателю войти в откровенный, полный задушевной простоты разговор очень близких друг другу людей» [Евчук: 21], и тем самым контакт автора и читателя приобретает особый доверительный характер. Кроме того, рассказ поэта рассчитан на чистоту восприятия адресата, обращение «я» к далекому от военных событий «вы» ориентировано на предельную откровенность в изъяснении переживаний и на восприимчивость неопытной души в лицезрении смерти и рассказа о трагизме смерти. И хотя поэт не раз акцентирует заведомое непонимание («И вам, конечно, все равно» [Лермонтов 1954–1957. 2: 166]), он надеется на возможность быть услышанным в аспекте своего личностного онтологического бытия, иначе факт письма был бы бессмысленным.

Черновые варианты стихов «Валерика» зачастую более экспрессивны, чем окончательный текст черновика, стихи первой и последующей публикаций, по всей вероятности, сделанных со списков или же с недошедшего до нас беловика. Интонационные восклицания черновика подчеркивают ощущение неловкости взывания лирического субъекта к сопереживанию адресата: «Я к Вам пишу. Не странно ль! право» /

«Я к Вам пишу. Случайно! Право // Не знаю как и для чего»¹. При работе Лермонтова над текстом черновика восклицательная интонация риторических вопросов, обращенных одновременно к самому себе и к собеседнику, сменяется на рассудительный тон, представляющий действия поэта в глазах адресата: «Я к вам пишу случайно; право // Не знаю как и для чего» [Лермонтов 1954–1957. 2: 166]. Не содержит обилия восклицаний и первая публикация в «Утренней заре» [Лермонтов 1843: 66]. Если в первоначальном фразовом членении черновика логические акценты объясняются самим процессом начала письма, желанием сиюминутно выплеснуть свои эмоции, то затем, возвращаясь к работе над началом текста, поэт перерабатывает его уже в соответствии с пережитым опытом лирической рефлексии, и все стихотворение оказывается пронизанным единым настроением глубокой погруженности в размышления о бытии. Мыслительная ситуация назначения письма в окончательном тексте разворачивается далее в сложном предложении, вторая часть которого определяет отсутствие целеполагания в действии: «Не знаю как и для чего» (2 стих). Если первый вариант черновика следующих стихов отличается экспрессивностью — особое место в нем занимают восклицательные конструкции (4 и 5 стихи), — то в процессе редактирования текста Лермонтов привносит в него модальность констатации. Меной первоначального риторического вопроса «И кто мне дал на это право»² на утверждение в действительном залоге «Я потерял уж это право»³ поэт акцентирует, что такое «право» обращения к адресату было, но теперь оно может быть утеряно, хотя сам факт письма это и парадоксально нивелирует.

Значима в размышлениях лирического героя о возможности или невозможности написания письма игра рифмующихся слов. Если в первом стихе «право» — это вводное слово со значением уверения, то в третьем стихе это существительное, определяющее возможность действия («Я потерял уж это право»⁴). Рифмовкой омонимов «право — право» Лермонтов не только подчеркивает значение созвучных

---

¹ Лермонтов М. Ю. «Я к Вам пишу...» (стихотворение, рукопись), 1840. НИОР РГБ. Ф. 500 (Лермонтов). К. 1. Ед. хр. 4. Л. 1.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

слов, создавая своего рода каламбур, но добавляет экспрессии, создает ситуацию горькой усмешки, самоиронии, что в целом характерно для его поэтики. Омонимичная рифма «право» дополняется неточной рифмой «правый» в 5 стихе, где слово «правый» воспринимается неотрывно от звательной формы слова «Бог» («Боже правый»¹) и образует с ним эмоционально-насыщенное междометие с устойчивым смысловым содержанием, которое выводит простоту повседневной речи на онтологический уровень. Конечно, можно сказать, что междометийный статус снижает высокую наполненность взывания к Богу, но не в данном случае. Здесь устойчивость выражения с четким ямбическим скандированием скорее акцентирует мотив взывания поэта к имени Божьему, естественность этого действия. Щемящая интонация тоски у Лермонтова, его горькое отчаяние, граничащее с безверием, выраженное в выводе-вопросе («Да вряд ли есть родство души?»²) рождено и тоской по Богу, в котором только и возможна полнота душевного родства. Корневыми повторами рифмующихся слов Лермонтов обновляет стертое значение междометного фразеологизма.

Будучи непосредственным участником кровопролитной битвы при реке Валерик со стороны русской армии, лирический поэт способен прочувствовать и передать трагизм происходящих событий. Пребывание под «небес<ами> востока», личное общение с горцами («кунак мой») способствовали проникновению в их менталитет и сближению мирочувствия («Судьбе как турок иль татарин // За все я ровно благодарен...» [Лермонтов 1954–1957. 2: 167]), хотя, конечно, нельзя говорить о полноте этого сближения, недаром поэт использует именно сравнительные конструкции с союзом «как». Примечательно, что Лермонтов, фиксируя противостояние горцев и русских, сближает их на основе общей ситуации участия в военных событиях: «Как там дрались, как мы их били, // Как доставалось и нам» [Лермонтов 1954–1957. 2: 168]. У него нет личной субъектной вражды к военному противнику, более того, он признается в симпатии к горцам: «Люблю я цвет их желтых лиц», «Их темный и лукавый взор // И их гортанный разговор [Лермонтов 1954–1957. 2: 168]. Такой настрой говорит о видимой Лермонтовым возможности диалога между двумя культурами, их «взаимопроникновения

---

¹ Там же.

² Там же.

и уважения друг к другу» [Киселева, Поташова: 307]. Представляется значимым, что из тяжелого отрешенного состояния раздумья после кровопролитной битвы лирического поэта выводит именно один из горцев («Галуб прервал мое молчанье» [Лермонтов 1954–1957. 2: 172]), с которым его связывают особые, почти родственные отношения: «Он был кунак мой» [Лермонтов 1954–1957. 2: 172]. Представляется, что имя «Галуб» также, как и ситуация письма с его отсылкой к письму Татьяны из «Евгения Онегина» в начале стихотворения, отправляют нас к пушкинскому тексту, в частности, к его неоконченной поэме «Тазит», которая вышла в 1837 г. в «Современнике» под заглавием «Галуб» и повествовала о судьбе черкеса, не поддающегося страсти кровной мести и впитавшего христианский менталитет [Пушкин: 5–16]. Идея прощения — одна из главенствующих в лермонтовском стихотворении, она скрепляет и личный, и исторический план лирического повествования, определяя христианский пафос стихотворения. Очевидна точная рефлексия Лермонтовым психического состояния лирического «я». Размышления о противоестественности человеческой вражды («один враждует он — зачем?») [Лермонтов 1954–1957. 2: 172]), противостояние ее гармонии вселенной («...небо ясно, // Под небом места много всем...» [Лермонтов 1954–1957. 2: 172]) коррелирует и с обозначенной в рельефно выраженных эпистолярных элементах стихотворения (зачине и концовке, содержащих обращение к потерянной возлюбленной) мыслью о трагической утрате единения родственных душ, восходящей к идее «о потерянном райском блаженстве, о путях возвращения к нему» [Гулин: 8].

Нельзя не согласиться с высказыванием С. И. Ермоленко о том, что в «Валерике» представлено «сложное по своему характеру лирическое переживание, для выражения которого не подходит ни один из традиционных жанров лирики» [Ермоленко: 66], хотя лирический жанр послания способен вбирать в себя элементы разножанровой содержательности. Но «Валерик» не есть традиционное лирическое послание, в нем усилен документализм, что сближает его с традицией письма как публицистического жанра и выводит его за пределы изящной словесности, в область литературы как опыта реальной жизни, неотделимой от опыта духовного. Этот духовный опыт передается поэтом адресату/читателю как сформированный реальным участием в событиях, где человек встает перед лицом вечности. И уровень этого предстояния,

и сама осознанная возможность связаны с опытом межличностного взаимодействия, с опытом потерь и обретений людей как своих ближних. Для Лермонтова духовная горизонталь межличностных отношений является важнейшей ступенью предстояния Богу, что декларируется в этом стихотворении и транслируется жанровой содержательностью эпистолярной формы. Именно жанр письма определяет стилевые особенности стихотворения «Валерик» и во многом является ключом к пониманию заложенных автором смыслов.

Список литературы

Источники

Белинский В. Г. Собр. соч.: в 9 т. М.: Худож. лит., 1979.

Пушкин А. С. Галуб // Современник, литературный журнал А. С. Пушкина, изданный по смерти его, в пользу его семейства, Кн. П. А. Вяземским, В. А. Жуковским, А. А. Краевским, кн. В. Ф. Одоевским и П. А. Плетневым. СПб.: В Гуттенберговой тип., 1837. Т. 7. С. 5–16.

Лермонтов М. Ю. Сочинения: в 6 т. М.; Л.: АН СССР, 1954–1957.

Лермонтов М. Ю. Валерик // Утренняя заря, альманах на 1843 год, изданный В. Владиславлевым. СПб., 1843. С. 66–68.

Шевырев С. П. Критический перечень русской литературы 1843 года // Москвитянин. 1843. Ч. 2. № 3. С. 175–194.

Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика в 2 т. М.: Искусство, 1983.

Исследования

Абрамович Д. И. Лермонтов Михаил Юрьевич // Русский биографический словарь. СПб.: Изд. разряда изящной словесности Имп. Акад. Наук, 1914. Т. 9. С. 265–315.

Бобылев Б. Г. «У Бога счастья не прошу»: филологический анализ стихотворения М. Ю. Лермонтова «Валерик» // Русский язык в школе. 2021. Т. 82, № 6. С. 44–54. <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2021-82-6-44-54>

Буянова Г. Б. История создания и бытования романа «я к вам пишу...» // М. Ю. Лермонтов в истории, культуре и образовании. Липецк: Липецкий гос. пед. ун-т им. П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2019. С. 18–28.

Вацуро В. Э. О Лермонтове: Работы разных лет. М.: Новое изд-во, 2008. 716 с.

Виротайнен М. Н. Лермонтов и конец Золотого века // Мир Лермонтова: Коллективная монография / под ред. М. Н. Виротайнен и А. А. Карпова. СПб.: Скрипториум, 2015. С. 92–104.

Гинзбург Л. Я. Лирика Лермонтова. // Литературное обозрение. 1941, № 12. С. 50–61.

Гулин А. В. Небесный ангел Михаила Лермонтова (Духовный опыт как творческая категория) // Два века русской классики. 2023. Т. 5, № 1. С. 6–35. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-1-6-35>

Ермоленко С. И. «Я к вам пишу...» («Валерик» М. Ю. Лермонтова: опыт жанрового анализа) // Филологический класс. 2008. № 19. С. 66–70.

Зайцева И. А. «Я к Вам пишу случайно; право» (о жанре и адресате стихотворения М. Ю. Лермонтова) // Мир романтизма. Вып. 20 (44). Памяти Ирины Вячеславовны Карташовой (1931–2019). Тверь: ТГУ, 2022. С. 115–126.

Киселева И. А. М. Ю. Лермонтов как духовный приемник А. С. Пушкина // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2024. № 2. С. 45–58. <https://doi.org/10.22204/2587-8956-2024-117-02-45-58>

Киселева И. А., Поташова К. А. Кавказский мир в контексте размышлений М. Ю. Лермонтова о человеке и судьбах истории // Научный диалог. 2023. Т. 12, № 5. С. 294–309. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-5-294-309>

Поташова К. А. Багальная поэтика М. Ю. Лермонтова // Проблемы исторической поэтики. 2023. Т. 21, № 2. С. 176–195. <https://doi.org/10.15393/j9.art.2023.12183>

Пульхритудова Е. М. Валерик // Лермонтовская энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия, 1981. С. 78–79.

Серль Дж. Р. Метафора // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 337–341.

Эйхенбаум Б. М. Литературная позиция Лермонтова // Литературное наследство. М.: Изд-во АН СССР, 1941. Т. 43/44: М. Ю. Лермонтов. Кн. 1. С. 3–82.

References

Abramovich, D. I. “Lermontov Mikhail Iur’evich” [“Lermontov Mikhail Yuryevich”], vol. 9. *Russkii biograficheskii slovar’* [*Russian Biographical Dictionary*]. St. Petersburg, Izdatel’stvo razriada iziashchnoi slovesnosti Imperqatorskoi Akademii Nauk Publ., 1914, pp. 265–315. (In Russ.)

Bobylev, B. G. “U Boga schast’ia ne proshu’: filologicheskii analiz stikhotvoreniia M. Iu. Lermontova ‘Valerik.’” [“‘I Don’t Ask God for Happiness’: Philological Analysis of M. Yu. Lermontov’s Poem ‘Valerik.’”] *Russkii iazyk v shkole*, vol. 82, no. 6, 2021, pp. 44–54. <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2021-82-6-44-54> (In Russ.)

Buianova, G. B. “Istoriia sozdaniia i bytovaniia romansa ‘ia k vam pishu...’” [“History of the Creation and Existence of the Romance ‘I Am Writing to You...’”] *M. Iu. Lermontov v istorii, kul’ture i obrazovanii* [*M. Yu. Lermontov in History, Culture and Education*]. Lipetsk, Lipetsk State Pedagogical University named after Pyotr Semyonov-Tyan-Shansky Publ., 2019, pp. 18–28. (In Russ.)

Vatsuro, V. E. *O Lermontove: Raboty raznykh let* [*About Lermontov: Works of Different Years*]. Moscow, Novoe izdatel’stvo Publ., 2008. 716 p. (In Russ.)

Virolainen, M. N. “Lermontov i konets Zolotogo veka” [“Lermontov and the End of the Golden Age”]. Virolainen, M. N., and A. A. Karpov, editors. *Mir Lermontova: Kollektivnaia monografiia* [*Lermontov’s World: Collective Monograph*]. St. Petersburg, Skriptorium Publ., 2015, pp. 92–104. (In Russ.)

Ginzburg, L. Ia. “Lirika Lermontova” [“Lyrics by Lermontov”]. *Literary Review*, no. 12, 1941, pp. 50–61. (In Russ.)

Gulin, A. V. “Nebesnyi angel Mikhaila Lermontova (Dukhovnyi opyt kak tvorcheskaiia kategoriia)” [“Heavenly Angel of Mikhail Lermontov (Spiritual Experience as a Creative Category)”]. *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 5, no. 1, 2023, pp. 6–35. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-1-6-35> (In Russ.)

Ermolenko, S. I. “‘Ia k vam pishu...’ (‘Valerik’ M. Iu. Lermontova: opyt zhanrovogo analiza)” [“‘I Am Writing to You...’ (‘Valerik’ by M. Yu. Lermontov: Experience of Genre Analysis)”]. *Filologicheskii klass*, no. 19, 2008, pp. 66–70. (In Russ.)

Zaitseva, I. A. “‘Ia k Vam pishu sluchaino; pravo’ (o zhanre i adresate stikhotvoreniia M. Iu. Lermontova)” [“‘I Am Writing to You by Chance; Indeed’ (About the Genre and Addressee of M. Yu. Lermontov’s Poem)”]. *Mir romantizma [World of Romanticism]*, issue 20 (44): Pamiati Iriny Viacheslavovny Kartashovoi (1931–2019) [In Memory of Irina Vyacheslavovna Kartashova (1931–2019)]. Tver, Tver State University Publ., 2022, pp. 115–126. (In Russ.)

Kiseleva, I. A. “M. Iu. Lermontov kak dukhovnyi priemnik A. S. Pushkina” [“M. Yu. Lermontov as the Spiritual Successor of A. S. Pushkin”]. *Vestnik Rossiiskogo fonda fundamental’nykh issledovani. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, no. 2, 2024, pp. 45–58. <https://doi.org/10.22204/2587-8956-2024-117-02-45-58> (In Russ.)

Kiseleva, I. A., and K. A. Potashova. “Kavkazskii mir v kontekste razmyshlenii M. Iu. Lermontova o cheloveke i sud’bakh istorii” [“The Caucasian World in the Context of M. Yu. Lermontov’s Thoughts about Man and the Fate of History”]. *Nauchnyi dialog*, vol. 12, no. 5, 2023, pp. 294–309. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-5-294-309> (In Russ.)

Potashova, K. A. “Bata’naia poetika M. Iu. Lermontova” [“Battle Poetics of M. Yu. Lermontov”]. *Problemy istoricheskoi poetiki*, vol. 21, no. 2, 2023, pp. 176–195. <https://doi.org/10.15393/j9.art.2023.12183> (In Russ.)

Pul’khitudova, E. M. “Valerik” [“Valerik”]. *Lermontovskaia entsiklopediia [Lermontov Encyclopedia]*. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia Publ., 1981, pp. 78–79. (In Russ.)

Serl’, Dzh. R. “Metafora” [“Metaphor”]. *Teoriia metafory [Theory of Metaphor]*. Moscow, Progress Publ., 1990, pp. 337–341. (In Russ.)

Eikhenbaum, B. M. “Literaturnaia pozitsiia Lermontova” [“Lermontov’s Literary Position”]. *Literaturnoe nasledstvo [Literary Heritage]*, vol. 43/44: M. Iu. Lermontov [M. Yu. Lermontov], book 1. Moscow, Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1941, pp. 3–82. (In Russ.)